

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Золотой мальчик

Жена барабанщика была в церкви и смотрела на новый алтарь, уставленный образами и украшенный резными херувимчиками. Какие они были хорошенькие! И те, с золотым сиянием вокруг головок, что были нарисованы на холсте, и те, что были вырезаны из дерева, а потом раскрашены и вызолочены. Волоски у них отливали золотом; чудо, как было красиво! Но солнечные лучи были ещё красивее! Как они сияли между тёмными деревьями, когда солнышко садилось! Какое блаженство было глядеть в этот лик Божий! И жена барабанщика загляделась на красное солнышко, думая при этом о малютке, которого скоро принесёт ей аист. Она ждала его с радостью и, глядя на красное солнышко, желала одного: чтобы блеск его отразился на её малютке; по крайней мере, чтобы ребёнок походил на одного из сияющих херувимов алтаря!

И вот, когда она, наконец, действительно держала в объятиях новорожденного малютку и подняла его показать отцу, оказалось, что ребёнок в самом деле был похож на херувима: волосы у него отливали золотом; на них как будто легло сияние закатившегося солнышка.

– Золотой мой мальчик, сокровище, солнышко моё! – воскликнула мать и поцеловала сияющие кудри. В комнатке барабанщика словно гремела музыка, раздавалось пение, воцарились радость, веселье, жизнь, шум! Барабанщик принялся выбивать на своём барабане такую дробь, что держись! Барабан – большой пожарный барабан – так и гремел: «Рыжий! У мальчишки рыжие волосы! Слушай, что говорит барабанная кожа, а не мать! Трам-там-там!» И весь город говорил то же, что барабан.

Мальчика снесли в церковь и окрестили. Ну, против имени сказать было нечего: ребёнка называли Петром. Весь город и барабан звали его «рыжий барабанщиков Пётр», но мать целовала золотистые волосы сына и звала его «золотым мальчиком».

На глинистом откосе у дороги было выцарапано много имён.

– Слава! Она что-нибудь да значит! – указал барабанщик и выцарапал там своё имя и имя сына.

Прилетели ласточки; они видели в своих странствиях надписи попрочнее, вырезанные на скалах и на стенах храмов в Индостане, надписи, вещавшие о могучих, славных владыках; но они были такие древние, что никто уже не мог прочесть их, никто не мог выговорить этих бессмертных имён.

Слава! Знаменитое имя!

Ласточки устраивали себе на откосе гнёзда, выкапывая в мягкой глине ямки; дождь и непогода тоже помогали стирать выцарапанные там имена. Скоро исчезли и имена барабанщика и Петра.

– Петрово имя всё-таки продержалось полтора года! – сказал отец.

«Дурак!» подумал пожарный барабан, но сказал только: «Дур-дур-дур-дум-дум-дом!»

Рыжий барабанщик Пётр был мальчик живой, весёлый. Голос у него был чудесный; он мог петь и пел, как птица в лесу, не зная никаких мелодий, и всё-таки выходила мелодия.

– Он будет певчим! – говорила мать. – Будет петь в церкви, стоять под теми прелестными вызолоченными херувимчиками, на которых так похож!

«Рыжий кот!» говорили городские остряки. Барабан часто слышал это от соседа.

– Не ходи домой, Пётр! – кричали уличные мальчишки. – А то ляжешь спать на чердаке, а в верхнем этаже загорится! Вашему пожарному барабану будет дело!

– Берегитесь-ка вы барабанных палок! – сказал Пётр и, как ни был мал, храбро пошёл прямо на мальчишек и ткнул кулаком в брюхо ближайшего. Тот полетел кверху ногами; остальные – давай Бог ноги!

Городской музыкант, такой важный, знатный, – он был сыном придворного буфетчика – очень полюбил Петра, часто призывал его к себе, давал в руки скрипку и учил его играть. У мальчика оказался талант; из него должно было выйти кое-что получше простого барабанщика – городской музыкант!

– Солдатом я буду! – говорил сам Пётр. Он был ещё маленьким

мальчуганом, и ему казалось, что лучше всего на свете, это – носить мундир и саблю, да маршировать под команду: раз-два, раз-два!

– Выучишься ходить под барабан! Трам-там-там! – сказал барабан.

– Хорошо, кабы он дошёл до генерала! – сказал отец. – Но тогда надо войну!

– Боже упаси! – сказала мать.

– Нам-то нечего терять! – заметил отец.

– А мальчугана нашего? – возразила мать.

– Ну, а подумай, если он вернётся с войны генералом!

– Без руки или ноги! Нет, пусть лучше мой золотой мальчик останется целым!

«Трам-там-там!» загремел пожарный барабан, загремели и все барабаны. Началась война. Солдаты выступили в поход, с ними ушёл и барабанщик Пётр, «рыжая макушка», «золотой мальчик»! Мать плакала, а отец уже видел сына знаменитым; городской же музыкант находил, что Петру не следовало ходить на войну, а служить искусству дома.

«Рыжая макушка!» говорили солдаты, и Пётр смеялся, но если кто-нибудь говорил: «Лисья шкура!», он закусывал губы и смотрел в сторону, пропуская эти слова мимо ушей.

Мальчик был шустрый, прямой и весёлый, а «весёлый нрав – лучшая походная фляжка», – говорили его старые товарищи.

Часто приходилось ему проводить ночи под открытым небом, мокнуть в дождь и непогоду до костей, но весёлость не покидала его, барабанные палки весело выбивали: «Трам-там-там! В поход!» Да, он прямо рождён был барабанщиком!

Настал день битвы; солнце ещё не вставало, но заря уже занялась; в воздухе было холодно, а бой шёл жаркий. Стоял густой туман, но пороховой дым был ещё гуще. Пули и гранаты летали над головами и в головы, в тела, в руки и ноги, но солдаты всё шли вперёд. То тот, то другой из них падал, поражённый в висок, побелев, как мел. Но маленький барабанщик не бледнел; ему ещё не пришлось потерпеть вреда, и он весело посматривал на полковую собаку, прыгавшую впереди так беззаботно, как будто кругом шла игра, как будто ядра были

только мячиками!

«Марш! Вперёд!» Эта команда была переложена на барабан, и такой команды не берут назад, но тут её пришлось взять назад, – разум приказывал! Вот и велено было бить отбой, но маленький барабанщик не понял и продолжал выбивать: «марш! вперёд!» И солдаты повиновались барабанной коже. Славная-то была барабанная дробь! Она выиграла сражение готовым отступить.

Битва многим стоила жизни; гранаты рвали мясо в клочья, поджигали вороха соломы, в которые заползали раненые, чтобы лежать там брошенными много часов, может быть – всю жизнь! Но что пользы думать о таких ужасах! И всё же о них думается – даже далеко от поля битвы, в мирном городке. Барабанщик с женою тоже не переставали о них думать: Пётр был, ведь, на войне!

– И надоело же мне это хныкание! – сказал пожарный барабан.

Дело было в самый день битвы; солнце ещё не вставало, но было уже светло; барабанщик с женою спали, – они долго не засыпали накануне, разговаривая о сыне: он был, ведь, там, «в руках Божиих». И вот, отец увидел во сне, что война кончена, солдаты вернулись, и у Петра на груди серебряный крест. Матери же приснилось, будто она стоит в церкви, смотрит на резных и нарисованных на образах херувимов с золотыми кудрями и видит среди них своего милого «золотого мальчика». Он стоит в белой одежде и поёт так чудесно, как поют разве только ангелы! Потом он стал возноситься вместе с ними на небо, ласково кивая матери голову...

– Золотой мой мальчик! – вскрикнула она и проснулась. – Ну, значит, Господь отозвал его к Себе! – И она прислонилась головой к пологу, сложила руки и заплакала. – Где-то он покоится теперь? В огромной общей могиле? Может быть, в глубоком болоте? Никто не знает его могилы! Никто не прочтёт над нею молитвы! – И из уст её вырвалось беззвучное «Отче Наш»... Потом голова её склонилась на подушку, и усталая мать задремала.

Дни проходили; жизнь текла, думы росли!

День клонился к вечеру; над полем сражения перекинулась радуга, упираясь одним концом в лес, другим в глубокое болото.

Народ верит, что там, куда упирается конец радуги, зарыт клад, золото. Тут и действительно лежало золото, «золотой мальчик». Никто не думал о маленьком барабанщике, кроме его матери, вот почему ей и приснилось это.

Дни проходили; жизнь текла, думы росли!

Но с его головы не упало ни единого волоска, ни единого золотого волоска!

«Трам-там-там, и он к вам!» мог бы сказать барабан, могла бы пропеть мать, если бы она ожидала сына, или увидала во сне, что он возвращается.

С песнями, с криками «ура», увенчанные свежую зеленью возвращались солдаты домой. Война кончилась, мир был заключён. Полковая собака бежала впереди, описывая большие круги, словно ей хотелось удлинить себе дорогу втрое.

Дни и недели проходили, и вот, Пётр вступил в комнатку родителей. Он загорел, как дикарь, но глаза и лицо его так и сияли. Мать обнимала, целовала его в губы, в глаза, в рыжие волосы. Мальчик её опять был с нею! Он, правда, вернулся без серебряного креста на груди, как снилось отцу, но зато целым и невредимым, чего и не снилось матери. То-то было радости! И смеялись и плакали вместе. Пётр даже обнял старый барабан.

– Ты всё ещё тут, старина! – сказал он, а отец выбил на барабане громкую, весёлую дробь.

– Подумаешь, право, в доме пожар! – сказал пожарный барабан. – Макушка вся в огне, сердце в огне, «золотой мальчик» вернулся! Трам-там-там!

А потом? Потом что? Спроси-ка городского музыканта!

– Пётр перерос барабан! Пётр перерастёт и меня! – говорил он, даром что был сыном придворного буфетчика! Но всё, чему он выучился за целую жизнь, Пётр прошёл в полгода.

В сыне барабанщика было что-то такое открытое, сердечное. А глаза и волосы у него так и сияли, – этого уж никто не мог отрицать.

– Ему бы следовало красить свои волосы! – говорила соседка. – Вот дочери полицмейстера это отлично удалось, и она сделалась невестою!

– Да, но, ведь, волосы у неё сразу позеленели, как тина, и ей

вечно придётся краситься!

– Так что ж! Средств у неё на это хватит! – отвечала соседка.
– И у Петра они есть! Он вхож в самые знатные семейства, даже к самому бургомистру, обучает игре на фортепьяно барышню Лотту!

Да, играть-то он умел! Он вкладывал в игру всю свою душу, и из-под его пальцев выливались чудные мелодии, которых не было ни на одной нотной бумаге. Он играл напролёт все ночи – и светлые и тёмные. Это было просто невыносимо, по словам соседей и барабана.

Он играл, а мысли уносили его высоко-высоко, чудные планы роились в голове... Слава!..

Дочка бургомистра Лотта сидела за фортепьяно; изящные пальчики бегали по клавишам и ударяли прямо по струнам Петрова сердца. Оно как будто расширялось в груди, становилось таким большим-большим! И это было не раз, не два, а много раз, и вот, однажды, Пётр схватил эти тонкие пальчики, эту прекрасную руку, поцеловал её и заглянул в большие чёрные глаза девушки. Бог знает, что он сказал ей при этом! Мы можем только догадываться. Лотта покраснела до ушей, но не ответила ни слова: как раз в эту минуту в комнату вошёл посторонний, сын статского советника; у него был большой, гладкий лоб, доходивший до самого затылка. Пётр долго сидел с ними, и Лотта так умильно улыбалась ему.

Вечером, придя домой, он заговорил о чужих краях и о том кладе, который лежал для него в скрипке.

Слава!

– Трам-там-там! – сказал барабан. – Он совсем спятил! Право, в доме как будто пожар!

На другой день мать отправилась на рынок.

– Знаешь новость, Пётр? – спросила она, вернувшись оттуда. – Славная новость! Дочка бургомистра Лотта помолвлена вчера вечером с сыном статского советника!

– Не может быть! – воскликнул Пётр, вскакивая со стула. Но мать сказала «да», – она узнала эту новость от жены цирюльника, а муж той слышал о помолвке от самого бургомистра. Пётр побледнел, как мертвец, и упал на стул.

– Господи Боже! Что с тобой? – воскликнула мать.

– Ничего, ничего! Только оставь меня! – ответил он, а слёзы так и побежали у него по щекам ручьём.

– Дитяtko моё милое! Золотой мой! – сказала мать и тоже заплакала. А барабан напевал – конечно, про себя: «Lotte ist todt! Lotte ist todt!»^[1] Вот и песенке конец!»

Но песне ещё не был конец; в ней оказалось ещё много стрoф, чудных, золотых стрoф!

– Ишь, ломается, из себя выходит! – оговаривала соседка мать Петра. – Весь свет должен читать письма её «золотого мальчика» и газеты, где говорится о нём и о его скрипке. Он и денег ей высылает немало, а это ей кстати теперь – овдовела!

– Он играет перед королями и государями! – говорил городской музыкант. – Мне этого не выпало на долю, но он – мой ученик и не забывает своего старого учителя.

– Отцу снилось, что Пётр вернулся с войны с серебряным крестом на груди, но там трудно заслужить его! Зато теперь у него командорский крест! Вот бы отец дожил! – рассказывала мать.

– Он – знаменитость! – гремел пожарный барабан, и весь родной город повторял: сын барабанщика, рыжий Пётр, бегавший мальчиком в деревянных башмаках, бывший барабанщик, музыкант, игравший на вечеринках танцы – знаменитость.

– Он играл у нас раньше, чем в королевских дворцах! – говорила жена бургомистра. – В те времена он без ума был от нашей Лотты. Он всегда метил высоко! Но тогда это было с его стороны просто дерзостью! Муж мой так смеялся, узнав об этой глупости. Теперь наша Лотта – статская советница!

Золотые были сердце и душа у бедного мальчугана, бывшего барабанщика, который заставил идти вперёд и победить готовых отступить.

В груди у него был золотой клад, неисчерпаемый источник звуков. Они лились со скрипки, словно она была целым органом, словно по струнам её танцевали эльфы летней ночи. В этих звуках отдавались и пение дрозда, и полнозвучный человеческий голос. Вот почему были так очарованы его слушатели, вот почему слава его прогремела далеко за пределами его родины. Он

зажигал в сердцах святой огонь, пламя, целый пожар восторга. – И как он хорош собою! – восторгались и молодые и старые дамы и девицы. Самая пожилая из них даже завела себе альбом для локонов знаменитостей ради того только, чтобы иметь предлог выпросить прядь роскошных волос молодого скрипача.

И вот, он вернулся в бедную комнатку барабанщика разодетый, изящный, как принц, счастливый, как король! Глаза и лицо его так и сияли. Мать целовала его в губы и плакала от радости, а он обнимал её и ласково кивал головою всей знакомой мебели – и сундуку, на котором стояли чайные чашки и цветы в стаканах, и деревянной скамье, на которой спал мальчиком. Старый же барабан он вытащил, поставил посреди пола и сказал:

– Отец непременно выбил бы теперь на нём дробь! Так я сделаю это за него! – И он выбил на барабане такую дробь, что твой град! А барабан был так польщён этим, что кожа на нём взяла да и лопнула.

– Кулак-то у него здоровый! – заметил барабан. – Теперь у меня на всю жизнь останется воспоминание о нём! Да и мать-то, того и гляди, лопнет от радости, глядя на своего «золотого мальчика!»

Вот и вся история о «золотом мальчике».

^[1]Т. е. «Лотта умерла». – Строфа из уличной песни

Загрузка...